

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

«ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ БЕД СТРАЖДУЩИХ» (о некоторых иконах пушкинского рода)

В экспозиции мемориального Музея-квартиры А. С. Пушкина на Мойке, 12, представлены два иконописных образа, история которых связана с семьей близких родственников Пушкина. Обе иконы Богородичного ряда, и обе в 1953 г. поступили во Всероссийский музей А. С. Пушкина из музейного собрания Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, куда были переданы потомками старшей сестры поэта О. С. Павлищевой в начале XX в.

Икона «Богоматерь Печерская с коленопреклоненными преподобными Антонием и Феодосием Печерскими» — традиционный образ почитаемых святых, начальников русского монашества. По характеру письма икону можно отнести ко второй половине XIX в., хотя на ее обратной стороне имеется надпись, выполненная тушью: «А. С. Пушкину». Определить автора надписи и обстоятельства ее появления пока не удалось.¹

Богоматерь изображена фронтально, сидящей на троне в короне Царицы Небесной (иконографический тип Панахранта (Всемиловитая)). Ее руки возложены на коленопреклоненных святых подвижников Антония и Феодосия, один из которых — основоположник монашества на Руси, другой — игумен Киево-Печерского монастыря в XI в., учредитель иноческого общежития в русских монастырях. Преподобный Антоний написан в полном схимническом облачении, святой Феодосий — без клобука, с непокрытой головой, в мантии и епитрахили. Левой рукой он поддерживает Младенца Иисуса, а в правой держит четки, как и святой Антоний. Сидящий на коленях Богоматери Младенец благословляет святых, приподняв обе руки. По сторонам трона стоят склоненные ангелы; в руках у них зеркала с монограммами: «ИИС» («Иисус») и «ХРС» («Христос»); сверху монограмма Богоматери: «МР ОУ» («Матерь Божия»).

Образ близок к иконографическому типу Печерской (Свенской) Богородицы (празднуется 3 мая), но отличается от нее коленопреклоненным положением святых (на оригинале Свенской Богома-

¹ Автор выражает признательность и благодарность старшему научному сотруднику Государственного музея истории религии С. В. Подлесному за ценные советы и важную информацию по бытованию икон в традиционной русской культуре.

тери они представлены в полный рост). Композиция, получившая широкое распространение в русской иконописи XVIII–XIX вв. и обычно именуемая «Богоматерь Печерская» (или «Киево-Печерская»), повторяется на иконе, известной под именем «Богоматерь Ярославская Печерская» (прославилась исцелением в 1823 г.), и в настенной росписи над входом в Успенский собор Псково-Печерского монастыря. Единственная фасадная стена этого храма была перестроена в стиле киевского барокко в 1750-х гг. Новой барочной стилистике соответствует настенная роспись с изображением одного из символов Псково-Печерской обители — Киево-Печерской Богородицы со святыми Антонием и Феодосием (в настоящее время — стилизация под роспись XVIII в.).

Род Пушкиных был тесно связан с Псковским краем не только тем, что здесь находилось имение прадеда поэта — А. П. Ганнибала, но и могилами предков (хотя и не прямых родственников) в Псково-Печерской обители. По подсчетам современного исследователя, ни один другой дворянский род не имел здесь столько захоронений, сколько Пушкины: только за период с 1558 по 1599 г. примерно каждый десятый поступающий в Псково-Печерскую усыпальницу был представителем этого рода.² Их имена были внесены в синодики, которые в XIX в. раздавались при поминовении для немого чтения не только монахам, но и всем прихожанам-мужчинам. Так каждому из печерских паломников становилось известно, что в монастырских синодиках записаны на вечное поминовение роды «Пушкина-окольниковца»³ и других Пушкиных».⁴

Обитель была основана выходцами из Киево-Печерского монастыря в XVI в. и следовала строгому общежительному уставу киево-печерских старцев Антония и Феодосия, во имя которых был освящен один из приделов Успенской церкви монастыря. Легенды «о киевских чудотворцах», записанные в Киево-Печерском патерике, были известны Пушкину, который назвал этот памятник древнерусской культуры «прелестью простоты и вымысла» (XIV, 162).

Перед иконой Печерской Богородицы молились об исцелении от душевных и телесных недугов, о прозрении слепых и исцелении глазных болезней, а владелица иконы О. С. Павлищева как раз

² Мурьянов М. Ф. Надгробия Пушкиных в Псково-Печерском монастыре // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977. С. 93.

³ В окольниковце из числа Пушкиных были пожалованы: Никита Михайлович (1619), Григорий Гаврилович (1644), Борис Иванович (1646), Степан Гаврилович (1648), Матвей Степанович (1674), Яков Степанович (1686), Иван Федорович Шиш (1682).

⁴ Первоклассный Псково-Печерский монастырь. Остров, 1893. С. 147.

страдала болезнью глаз, настолько тяжелой, что к концу жизни практически ослепла. Кто-то из Павлищевых или Пушкиных мог привезти ей икону в память о посещении Псково-Печерской обители.

Согласно существующей в музее устной легенде, роду Пушкиных принадлежал и другой образ Богоматери, также поступивший в музей от потомков О. С. Павлищевой (в настоящее время икону можно видеть в бывшей спальне Н. Н. Пушкиной).

Образ близок иконографии Богородицы «Избавление от бед страждущих» (другие названия — «Избавление от бед», «От бед страждущих», а также «Обет страждущих»). Фигура Богоматери (иконографический тип «Одигитрия») в царском одеянии, с короной на голове, представлена фронтально; на ее левой руке, как на престоле, восседает Младенец Христос, другой рукой Богоматерь указывает на Сына, направляя на Него внимание молящихся. Правая ножка Младенца согнута в колене и не видна, а левая почти касается правой руки Богоматери; голова Младенца склонена в сторону Матери, которую он двуперстно благословляет; в его левой руке — свернутый свиток, лежащий на коленях. Надпись на окладе — традиционная, часто используемая в канонах пред иконами Богородицы: «Спаси от бед (обетъ) рабы Твоя, Богородице, яко вси по Бозе к Тебе прибегаем, яко нерушимой стене и предстательству».

Иконы данного типа получили широкое распространение во всем христианском мире, и их часто приписывают кисти апостола Луки. Один из чтимых списков, созданный в конце XVIII в., находится на земле, связанной с предками жены А. С. Пушкина, — в людиновском Казанском соборе в Калужской области. Другой — в Никольском приделе Богоявленского кафедрального собора в Елохове (Москва). Елоховский список датируется XVI в. и относится к числу старинных святынь первого, не дошедшего до нас каменного храма, возведенного в 1731 г. Именно в этом храме (в его трапезной) в 1799 г. был крещен А. С. Пушкин. Не исключено, что у матери поэта мог храниться образ, связанный с этим важным событием в жизни семьи.

Если в семье Павлищевых икона хранилась как принадлежавшая роду Пушкиных, то можно предположить, что она могла перейти к старшей сестре поэта в связи с ее замужеством. Известно, что 27 января 1828 г. она решила дать согласие на брак, не испросив благословения родителей. Узнав о тайно совершившемся браке, родители-Пушкины были чрезвычайно огорчены, затем смирились и согласились благословить молодых, но не лично, а через старшего сына и его приятельницу Анну Керн. Последняя вспоминала, как

мать поэта вручила им икону и хлеб, рассказала о порядке обряда, и они с Пушкиным отправились встречать новобрачных.⁵

В православной традиции Богородичные иконы — не только молебельный образ, но и домашняя святыня, передаваемая от одного поколения к другому. Семьи Пушкиных, Павлицевых, Гончаровых не были в данном случае исключением. Судя по описям имущества, которое находилось в 1832—1836 гг. в имении Гончаровых Полотняный Завод,⁶ у родных Н. Н. Пушкиной, урожденной Гончаровой, имелось более десятка популярных изводов Богородицы (Корсунская, Смоленская, Тихвинская, Троиручица, Толгская, Казанская, Ахтырская, Благовещение, Калужская, «Утоли моя печали», «Исцеление болезней», «Взыскание погибших», «Умягчение злых сердец», «Положение ризы Богородицы» и др.) наряду с образами Спасителя и святых, в том числе небесных покровителей членов семьи.

В 1834 г., находясь в Полотняном Заводе, жена поэта по обычаю, привитому ей с детства, молилась стоя на коленях⁷ (очевидно, в «кивотной» или «образной» комнате, наличие которой в Большом доме Гончаровых обозначено в назанной выше описи). Об этих молитвах известно из письма Пушкина, в котором он вначале пожурил жену за то, что она долго не отвечала на его письма и ездила в Калугу смотреть игру провинциальных актеров, но затем добавил: «Побранив тебя, беру нежно тебя за уши и цалую — благодаря тебя за то, что ты Богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас» (XV, 184—185).

В родительском доме Пушкина соблюдались все православные обряды, однако сведениями о том, какие иконы имелись в его собственной семье, мы не располагаем. Знаем лишь об иконе «Вознесение Христово», на обратной стороне которой рукой Наталии Николаевны Пушкиной написано, что мать поэта перед смертью благословила этим образом свою «внуку» Марию Пушкину. Речь шла о старшей дочери поэта; ее младшая сестра Наталья появилась на свет только через два месяца после кончины Надежды Осипов-

⁵ Керн А. П. Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 1. С. 398—399.

⁶ РГАДА, ф. 1265 (Гончаровы), оп. 2, № 452, л. 5—7; Там же, оп. 1, № 2574, л. 11—12.

⁷ Пушкину была хорошо известна эта привычка жены, и, когда она была беременна в очередной раз, он просил ее «быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колени перед Машей (ни даже на молитве)» (XV, 193).

ны. Образ, полученный из рук бабушки, должен был оставаться в семье и тогда, когда Пушкины переехали в дом на набережной Мойки. В настоящее время он находится в ГМЗ «Михайловское».

Н. Н. Пушкина была глубоко и искренне верующим человеком. Позднее, будучи женой П. П. Ланского, она признавалась мужу: «Несмотря на то, что я окружена заботами и привязанностью всей моей семьи, иногда такая тоска охватывает меня, что я чувствую потребность в молитве... Тогда я снова обретаю душевное спокойствие, которое часто раньше принимали за холодность и в ней меня упрекали. Что поделаешь? У сердца есть своя стыдливость. Позволить читать свои чувства мне кажется профанацией. Только Бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца».⁸

В молитве искала Н. Н. Пушкина утешение и поддержку в конце января 1837 г., когда шли последние часы жизни ее мужа. О том, что она «в нервическом страдании лежит в молитве перед образами», рассказывал в одном из писем А. И. Тургенев.⁹ Какие именно образа находились тогда в доме Пушкиных, доподлинно неизвестно. Но с большой долей вероятности можно думать, что один из них (или два) можно увидеть на рисунках, запечатлевших Пушкина лежащим в гробу.

Обычай класть небольшую икону на грудь умершему перед его погребением издавна известен в православии, хотя строгого регламента на этот счет не существует. Чаще всего в гроб помещали образ Спасителя или Богородицы, реже — иконки со святыми, в первую очередь с небесным покровителем покойного, или с праздниками, приходящимися на день кончины, отпевания или погребения усопшего.

Образ на груди покойного Пушкина можно видеть на рисунках художников, которые побывали в доме на Мойке в дни прощания с поэтом. Одними из первых рисовали покойного поэт и переводчик А. Н. Струговщиков¹⁰ и портретный живописец, ученик Карла Брюллова и А. Венецианова, А. Н. Мокрицкий.¹¹

⁸ Цит. по: *Ободовская И. М., Дементьев М. А.* Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., 1978. С. 80.

⁹ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 207 (письмо к неизвестному от 29 января 1837 г.).

¹⁰ Рисунок хранится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

¹¹ В настоящее время рисунок А. Н. Мокрицкого представлен в мемориальном Музее-квартире А. С. Пушкина.

А. Н. Струговщиков не принадлежал к кругу художников-профессионалов, но рисовал, как многие в то время, неплохо и тщательно выписал лицо поэта, его волосы, бакенбарды, большой галстук, ворот сюртука, а также подушку, из-под раскрытой наволочки которой виден клетчатый наперник. Эта же домашняя подушка, а не та, которую обычно кладут в гроб (с оборками), изображена на рисунке А. Н. Мокрицкого. То есть оба рисунка были сделаны в те первые часы после кончины Пушкина, когда тело еще не было положено во гроб и покоилось на столе посреди передней.¹² «Спустя $\frac{3}{4}$ часа, — вспоминал В. А. Жуковский, — тело вынесли в ближнюю горницу; а я, исполняя повеление государя императора, запечатал кабинет своею печатью».¹³ Дополнительно дверь была опечатана начальником штаба корпуса жандармов генералом Л. В. Дубельтом. Обе эти печати видны на рисунке А. Н. Мокрицкого, но не показаны у А. Н. Струговщикова, у которого не находим и образ на груди поэта. На его рисунке это место сильно заштриховано, что не дает возможности с уверенностью сказать, остался ли образ только намечен и не прорисован, или же художник и не пытался его изобразить.

Итак, из двух рисунков, выполненных в первый день после кончины Пушкина, образ показан лишь на одном — у А. Н. Мокрицкого: художник отчетливо обозначил контуры изображенного погрудно Спасителя (или святого) с нимбом вокруг головы. Это могла быть та икона, перед которой в ночь с 27 на 28 января поэт исповедался и приобщился Св. Тайн.

Та же икона со схематическими очертаниями фигуры Спасителя (или святого) присутствует на поздней, 1880 г., гравюре Л. А. Серякова. При ее публикации в журнале «Русская старина» было указано, что портрет выполнен «с рисунка художника Мокрицкого, ученика Брюллова, исполненного с натуры, перерисовал на дерево художник К. О. Брож. Гравировал академик Л. А. Серяков».¹⁴ Изображение на гравюре отличается от рисунка Мокрицкого. Кто

¹² На обороте рисунка А. Н. Мокрицкого имеется поздняя надпись с ошибочной датировкой: «Снят с натуры академиком Аполлоном Николаевичем Мокрицким вечером 30 января 1837 года и подарен им Петру Андреевичу Каратыгину». В действительности вечером 30 января художник мог видеть тело поэта только в гробу, а не на столе, как это показано на рисунке. На то, что надпись была сделана, много лет спустя после смерти Пушкина, указывает упомянутое в ней звание академика, которое А. Н. Мокрицкий получил только в 1849 году.

¹³ Жуковский В. А. Письмо к С. Л. Пушкину. [15 февраля 1837 г.] // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 435.

¹⁴ Русская старина. 1880. № 8. С. 531; 532–533 (вклейка).

мог внести эти изменения? Ни художник-иллюстратор Карл Осипович Брож (1836—1901), ни замечательный русский гравёр Л. А. Серяков (1824—1881) не могли присутствовать у гроба Пушкина: один из них в январе 1837 г. не достиг даже годовалого возраста, другому хотя и было 13 лет, но он жил вдали от Петербурга.

Похоже, что изготовители гравюры воспользовались не только рисунком А. Н. Мокрицкого, но и литографией Ф. А. Бруни, на которой нет опечатанной двери, показанной у А. Н. Мокрицкого, но (в отличие от изображения А. Н. Мокрицкого) покойный лежит не на столе, а в гробу. В 1837 г. эта литография продавалась «во всех эстампных магазинах по 5 рублей».¹⁵ Рисунок, с которого Ф. А. Бруни изготовил свою литографию, датирован 30 января 1837 г. Тем же днем датирован рисунок В. А. Жуковского, на котором тщательно прорисованы лицо покойного, передняя часть гроба, оборки на гробовой подушке, но икона только обозначена: по какой-то причине автор рисунка не стал прорисовывать контуры изображения, поместив на грудь поэта лишь чистую прямоугольную дощечку.

Именно 30 января, как сообщил В. А. Жуковский, «друзья положили Пушкина своими руками в гроб».¹⁶ Вскоре в дом стали приходиться сотни людей, желающих проститься с поэтом. Среди них — художник Ф. А. Бруни и его ученик — рисовальщик, будущий известный офортист А. А. Козлов. Последний вспоминал, что приехал посмотреть, как будет работать его учитель Ф. А. Бруни, но тот «почему-то не нашел удобным в ту же минуту заняться этим рисунком» и уехал.¹⁷ Восемнадцатилетний А. А. Козлов остался и выполнил эскиз в своем ученическом альбоме итальянским карандашом и мелом, а дома завершил эту работу. Позднее рисунок был взят за основу при написании картины «Пушкин в гробу», выполненной А. А. Козловым по заказу князя П. А. Вяземского.¹⁸ На картине, как и на рисунке, икона на груди поэта отсутствует. Можно предположить, что в спешке художник ее просто не зафиксировал, сосредоточившись на самом Пушкине (дорисовал же он впоследствии шандал со свечой в изголовье, которого нет на эскизе). Не исклю-

¹⁵ *Кукольник Н. В.* Письмо в Париж // *Художественная газета*. 1837. № 9—10. С. 162; Пушкин в прижизненной критике. 1834—1837. СПб., 2008. С. 232.

¹⁶ *Жуковский В. А.* Письмо к С. Л. Пушкину. [15 февраля 1837 г.]. С. 435.

¹⁷ *Аснаш С. М., Яхонтов А. Н.* Описание Пушкинского музея императорского Александровского Лицея. СПб., 1899. С. 23.

¹⁸ В настоящее время представлена в передней Музея-квартиры А. С. Пушкина.

чено, что в тот момент, когда А. А. Козлов оказался в доме, тело поэта только что переложили в гроб, но образ по какой-то причине еще не был возложен ему на грудь.

Во второй половине того же дня учитель А. А. Козлова профессор Академии художеств Ф. А. Бруни вновь появился в доме на Мойке и сделал рисунок, с которого позже изготовил названную выше литографию. В 1837 г. литография была опубликована без подписи автора и заслужила высокую оценку Н. В. Кукольника: «...остается сказать о двух произведениях, не входящих собственно в разряд портретов обыкновенных. Первое принадлежит известному нашему художнику Ф. А. Бруни. Пушкин изображен во гробе, под саваном, икона на груди, голова на подушках, смерть уже обозначила на лице разрушительную силу свою, на устах застыло страдание. — Превосходный рисунок и отличная чистота отделки дают сему произведению почетное место в числе наших литографий. Ф. А. Бруни рисовал с натуры на другой день смерти Пушкина и сам же переводил рисунок свой на камень».¹⁹

Итак, возвратившись в дом поэта, профессор Ф. А. Бруни не спеша взялся за работу. В крохотной передней он выбрал для себя удобное место, откуда мог рисовать Пушкина, глядя поверх голов многочисленных посетителей: «В гробовой комнате, — вспоминал один из свидетелей происходящего В. Н. Давыдов, — при входе налево, в углу, стояли один на другом два простых сундука, на верхнем стул, в котором перед мольбертом сидел академик Бруни, снимавший портрет с лежавшего в гробу, головой к окнам во двор, Пушкина».²⁰

Как на рисунке, так и на литографии Ф. А. Бруни зритель снова обнаруживает икону. Однако на этот раз опытный глаз художника рассмотрел очертания не одного, а трех (!) святых, стоящих фронтально в один ряд в полный рост. Над ними плат с благословляющим Спасителем.

Можно было подумать, что с самого начала на иконе было именно три персонажа, что А. Н. Мокрицкий их попросту не разглядел. Но его рисунок выполнен настолько тщательно, что подобная ошибка представляется маловероятной. По всей видимости, после переложения тела поэта во гроб одну икону заменили на другую. По поводу этого нового образа, заменившего первоначальный, можно высказать несколько предположений.

¹⁹ Кукольник Н. В. Письмо в Париж. С. 162; Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837. С. 232.

²⁰ Давыдов В. Н. Квартира А. С. Пушкина в конце января 1837 г. // Русская старина. 1887. № 4. С. 162.

Существует два типа икон с изображением трех святых, стоящих фронтально в ряд. Первый представляет одноименных святых либо святых, память которых празднуется в один день; они могут быть подвижниками одного монастыря, одной местности либо совершителями схожего подвига. Широко распространенные образы таких святых имеют устойчивую совместную иконографию. Второй тип — иконы с уникальным набором святых, как правило, писанные по индивидуальной просьбе. Память о таких святых важна для конкретного заказчика. Обычно это образ соименного святого, изображенного рядом со святыми, память которых приходится на день рождения заказчика и на иной важный день его жизни (женитьба, спасение от гибели, любое другое событие, приравненное чуду), либо рядом с соименными святыми отца, матери, мужа, жены и т. п.

Если предположить, что 30 января на грудь покойного Пушкина был возложен образ его небесного покровителя и защитника, изображенного рядом с двумя другими святыми, то следует иметь в виду, что образ преподобного Александра Куштского, память которого отмечается 9 июня (по ст. ст.) и который был небесным покровителем поэта, не изображается в составе устойчивой группы святых (кроме случаев специального заказа на таковое изображение). То же касается самого известного соименного поэту святого, почитаемого на Руси, — благоверного князя Александра Невского. Традиционно обоих святых изображают на иконах единолично. Исключение могли составлять упомянутые выше групповые изображения с неповторимой иконографией, которые изготавливались по желанию заказчика. Такая икона, писанная под заказ, должна была быть личным молитвенным образом, но о существовании такового в семье Пушкиных не сохранилось никакой информации.

Помимо небесного патрона с молитвой об умершем уместно было обратиться к святому, чья память приходится на день его кончины. Православная церковь вспоминает 29 января (по ст. ст.) святителя Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского, ученика Иоанна Богослова. Его изображения в составе группы из трех святых хорошо известны: обычно рядом с ним помещают святителей, чья память также отмечается во второй половине января: Афанасия и Кирилла Александрийских (18 января по ст. ст.). Иконка с изображением святого Игнатия, приобретенная в день смерти Пушкина в соседнем храме, вполне могла быть положена во гроб, но современники отметили, что образ был стертый, следовательно, взят из числа домашних икон. Барон Ф. А. Бюлер, который побывал в те дни в доме поэта, вспоминал: «На руках у покойного положен был

простой образ, без всякого оклада, и до того стертый, что никакого изображения на нем нельзя было вскорости разглядеть».²¹

Наличие в семье поэта образа со святыми Игнатием, Афанасием и Кириллом можно было бы объяснить памятью о бабушке Наталии Николаевны — покойном Афанасии Николаевиче Гончарове. Однако маловероятно, чтобы Пушкин особо чтит память бабушки, в свое время изрядно потрепавшего ему нервы, предоставив в приданое любимой внучке вместо денег и обещанных деревень ненужную в хозяйстве статую Екатерины II («медную бабушку»), которую поэт безуспешно пытался продать все последние годы жизни.

Традиционным и наиболее известным образом трех святых, изображенных в ряд, является образ Трех вселенских учителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Их память православная церковь празднует 30 января по старому стилю (на следующий день после кончины Пушкина).

Здесь следует вспомнить, что по умершему с момента его кончины до погребения совершается несколько церковных служб: панихиды, чтение Псалтыри, лития, отпевание. Первая панихида по Пушкину была отслужена в восемь часов вечера 29 января. Затем круглосуточно, днем и ночью, до самого отпевания, над телом усопшего полагается читать Псалтырь. Чтец Псалтыри — псаломщик или диакон — мог попросить у близких образ соответствующего церковного праздника, а поскольку согласно церковной традиции новый день наступает после шести часов вечера дня предыдущего, то вечером 29 января речь уже могла идти о Соборе Трех Святителей, празднуемом 30 января.

Кому-то из близких могло показаться символичным,²² что в последние часы пребывания тела поэта на земле рядом с ним оказался возложен образ трех создателей новой литературной традиции, трех мудрецов, труды которых на ниве христианского просвещения чтит весь православный мир. Духовный путь поэта, его провидческий дар во многом соотносимы с высотой и важностью духовно-пастырского служения, явленного этими святыми.

²¹ Бюлер Ф. А. Записка А. С. Пушкина к кавалерист-девице Н. А. Дуровой // Русский архив. 1872. № 1. Стб. 202.

²² Привлекли же внимание А. И. Тургенева слова из Псалтыри, услышанные им у гроба поэта вечером 31 января: «Зашел к Пушкину. Первые слова, кои поразили меня в чтении Псалтыря: "Правду твою не скрыв в сердце твоём". Конечно, то, что Пушкин почитал правдою, то есть злобу свою и причины оной к антагонисту — он не скрыл, не угомонился в сердце своем и погиб» (Тургенев А. И. Из «Дневника» // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 200). Ср.: «Правду Твою не скрех в сердце моем...» (Пс 39: 11).

По свидетельству Ф. А. Бюлера, образ был стертый, следовательно, мог перейти в семью от старших Пушкиных, Гончаровых или от кого-то из друзей. Один из персонажей иконы — Григорий Богослов — был соименником нескольких предков Пушкина, а также его младшего сына. Немаловажен и тот факт, что каждый из Трех Святителей присутствовал в творческом сознании Пушкина.

В произведениях Пушкина и его эпистолярном наследии можно обнаружить немало аллюзий на литургические тексты Василия Великого и Иоанна Златоуста. Исследователи заметили связь с этими текстами стихотворения «Пророк».²³ Аллюзия на слова из Литургии Василия Великого: «Помяни, Господи, иже в пустынях и горах, и вертепах, и пропастях земных... Плавающим сплаваяй, путешествующим шествуй... На судище, и в рудах, и в заточениих, и в горьких работах, и всякой скорби, и нужде и обстоянии сущих помяни, Боже» — выявлена в стихотворении, посвященном лицейской годовщине 19 октября 1827 года.²⁴ Строки, обращенные к друзьям-лицеистам, звучали как ходатайственная молитва:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!
(III, 80)

Икону мог принести Жуковский, который в день кончины Пушкина 29 января «в горестных воспоминаниях»²⁵ встретил очередной день своего рождения, а на 30 января приходился день его ангела — Василия Великого.

Имеющийся иконографический материал не позволяет прийти к однозначному выводу о том, какая именно икона находилась первоначально на груди покойного Пушкина, и на какой конкретный образ она была заменена на другой день. Однако сам факт такой

²³ Архангельский А. Н. «Огнь бо есть...»: Словесность и церковность: литературный сопромат // Новый мир. 1994. № 2. С. 237; Мальчукова Т. Г. Лирика Пушкина 1820-х годов в отношении к церковнославянской традиции: (К интерпретации стихотворений «Воспоминание» и «Пророк» в контексте христианской культуры) // Евангельский текст в русской литературе XIII—XX веков. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 168—177.

²⁴ Юрьева И. Ю. «Библию, библию!»: Священное Писание в творчестве Пушкина // Московский пушкинист. М., 1997. Вып. 4. С. 125.

²⁵ Тургенев А. И. Письмо к А. И. Нефедьевой. 30 января 1837 г. // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 209.

замены, выявленный в ходе исследования, свидетельствует о проявлении особого участия близких в церемонии прощания. Если во гроб был положен старый, истертый образ, это означало, что хотели положить именно его, а не какую-то другую икону. Логично думать, что с приходом нового дня и началом первой панихиды по умершему икону с одним святым (или со Спасителем) заменили на другую — с тремя святыми.

«Тихо теплилась лампада перед стеклянным кивотом, в коем блистали золотые и серебряные оклады наследственных икон» (VIII, 29). Эти строки из незавершенного исторического романа, напоминавшего о жизни предка поэта Абрама Ганнибала, могли бы послужить и для реконструкции картины домашней жизни самого Пушкина. Однако религиозная сторона этой жизни долгое время оставалась на периферии внимания исследователей, хотя была чрезвычайно важна для людей пушкинского времени и пушкинского круга.

Г. М. Седова

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О «СКРИЖАЛИ ПУШКИНА» М. О. ГЕРШЕНЗОНА

Этот сюжет из истории пушкиноведения принадлежит к числу общеизвестных, но так велико нагромождение вокруг него подробностей, анекдотов и путаницы, так сильна (на момент фиксации сведений) инерция взаимных недовольств соперничающих филологических каст, столь тонка грань между злорадством и опаской, — что кажется нелишним изложить его еще раз, по возможности рачищая от апокрифических напластований.

Во второй половине ноября 1919 года вышла в свет книга М. О. Гершензона «Мудрость Пушкина». Основу книги составили статьи, напечатанные в периодике за предыдущие двадцать лет; едва ли не единственный впервые появляющийся в печати текст был вынесен в качестве предисловия под названием «Скрижаль Пушкина»:

Самую поразительную из страниц, написанных Пушкиным, постигла и судьба поразительная. Ее никто не знает; ее нет, сколько мне известно, ни в одном собрании его сочинений; ее только раз,